

ТОЖДЕСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ПОЗИТИВИЗМА

Борис Ихлов

Критика экзистенциализма частично изложена в [1, 2].

Однако авторы в духе времени сосредоточены более на описании воззрений экзистенциалистов. С другой стороны, хотя, например, подход Ясперса сравнивается с подходом Канта, прямая связь экзистенциализма и неопозитивизма с субъективным идеализмом не выявлена.

Субъективный идеализм, релятивизм и агностицизм

Позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм неразрывно связаны с субъективным идеализмом. Юм, Беркли, Фихте, Мах полагали первичной реальностью собственные ощущения, к тому же вульгарно понимаемые.

Беркли писал, что «вещи суть комплексы ощущений», «существовать - значит быть воспринимаемым». То же утверждал и Эрнст Мах. Следовательно, человечество существует лишь в том смысле, что оно воспринимается самим Беркли, таким образом в природе существует лишь Беркли, все прочее – его фантазии, настроения, рациональные умозаключения. То есть, логически, последовательно продолженный субъективный идеализм неизбежно ведет к солипсизму (от лат. *solus* - один, единственный и *ipse* - сам), к утверждению, что для каждого человека существует только он один, все же остальные люди есть лишь комплексы его ощущений. Беркли, дабы отмежеваться от солипсизма, утверждал, что существование других людей доказывается существованием бога, но и бог, в виду версии Беркли, тоже есть комплекс ощущений Беркли.

Представления о первичных качествах, поясняет Беркли, возникают в сознании только на основе ощущений запаха, цвета, вкуса и т.п. Геометрические абстракции возникают на основе пересечения и сочетания двух и более цветовых полей, поэтому субъективны и формы, пространство, движение.

Именно поэтому Кант утверждал, что вещи принципиально непознаваемы, трансцендентны, можно знать вещь лишь такой, какой она нам является, вещь-для-нас, феномен, вещи-в-себе, ноумены – непостижимы чувственно или рационально. В тоже время он признавал существование ноуменов вне сознания.

Здесь Кант не оригинален: то же самое утверждал еще основатель киренской школы Аристипп, родившийся в 435 году до н.э.

Известный софизм: если ощущения - источник знаний, следовательно, человек может проверить ощущения только с помощью ощущений, он не может вырваться за пределы ощущений, лишь ощущения – доступная человеку реальность. Потому, утверждает Бергсон, человеческое сознание – замкнутая система, «закрытый сад».

То есть, в посылке ощущения – связь между миром и сознанием, во второй части силлогизма происходит подмена имени суждения, изменяется содержание понятия «ощущения – вместо смысла «связь» оно приобретает иной смысл, смысл стенки, препятствия. Хотя еще Эпикур объяснял, что ощущения приносят истинное знание о вещах; запах, цвет, вкус - объективные свойства субстанций.

В процессе восприятия внешняя субстанция, воздействуя на органы чувств, меняется, фотоны становятся виртуальными, в зрительных рецепторах утрачивают существование, как и звуковые волны в рецепторах слуха, атомы нагретых тел снижают скорости, молекулы, сигнализирующие о запахе, в рецепторах обоняния вступают в химические реакции.

Ощущения качеств субстанции зависят от нервной системы, т.е. ощущения этих качеств не могут быть качествами субстанции. Пахнет ли лук луком, если мы задерживаем дыхание? То, что восприятие – субъективно – факт. Но если так, идет дальше Беркли, то и сами субстанции субъективны.

Нельзя утверждать, что «ощущение красного имеет подобие со свойством киноленты, возбуждающей во мне это ощущение», не могут же свойства вещи «перейти в мое представление» [3]. Потому ощущения есть нечто «закрытое» для внешних вещей.

Таким образом, субъективный идеализм гносеологически возникает не на пустом месте, не как психопатология.

Во-первых, он ставит вопрос, почему разные люди, несмотря на субъективность восприятия вещей, оценивает вещи примерно одинаково? Почему они способны понимать друг друга по поводу вещей? На вопрос «жизнь или кошелек» жертва не запекает песню, не ложится на землю, а вынимает именно кошелек, а не носовой платок или пуговицу. Способно ли сознание адекватно отражать мир, познавать его? Может ли человек выращивать пшеницу, строить ГЭС, изобретать лазер, разрезать и сшивать ДНК? Не может, говорят Беркли, Фихте, Кант.

Во-вторых, очевидно, что в сознании есть и горы, и реки, и животные, и звезды – но в этом же сознании нет ни гор, ни рек, ни животных, ни звезд как таковых, как не является монетой, в примере, приведенном Аристотелем, ее отпечаток на расплавленном воске. Отражения этих субстанций – идеальны. Смысл объективного идеализма – объявить отпечаток первичным. Смысл субъективного идеализма – объявить отпечаток и монету никак не связанными между собой.

В современной физике субъективный идеализм фигурирует в так называемом антропном принципе, по сути – телеологическом, из аристотелевского ряда типов причин: дождь идет потому, что нужен урожай.

Маркс прогнозирует: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*» [4].

Физик Дайсон идет дальше: «... возможно, нельзя будет до конца понять происхождение и судьбу энергии во Вселенной, рассматривая ее отдельно, вне факта существования Жизни и Разума» [5]. То есть: идея развития от простого к сложному должна быть заложена в физической парадигме.

Спекулируя на этих высказываниях, иные философы утверждают, что Маркс и Дайсон якобы предвидели антропный принцип.

Картер формулирует антропный принцип следующим образом: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателя» [6].

Некоторые приверженцы антропного принципа опускают слова «на некотором этапе эволюции». То есть: очевидно, что в ранней Вселенной не могло быть и молекулы живого наблюдателя.

Следовательно, продолжаем мысль Картера, этим наблюдателем должен быть бог.

Но и Картер исходит из субъективно-идеалистической трактовки квантовой механики Неймана, Шредингера и др., включающих в постулаты квантовой механики обязательное наличие наблюдателя. В ранней Вселенной не было наблюдателя, при этом работали законы квантовой механики, в атомах работают законы квантовой механики без всякого наблюдателя.

В антропном принципе причина подменена следствием: не существующие теории должны иметь такую структуру, чтобы в них возникал человек, а природа устроена так, что развивается от низшего к высшему. При этом человек в ней не только закономерен, но и случаен. Человек в ней – не обязательно высшее, но обязательно станет лишь гибнущим ответвлением развития Вселенной, как исчезнувшие виды животных.

Отметим лишь пока, что современная физика построена на идее движения в виде круговорота, на принципе минимума потенциальной энергии, на законах сохранения. Потому все теории не только не могут объяснить переход от физической форм движения к химической, биологической и социальной, но еще и все до одной предрекают гибель жизни во Вселенной.

В-третьих, истоки субъективного идеализма – еще в античной философии.

«...В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений» [7].

Гераклит формулирует: «в одну реку нельзя войти дважды» - в виду изменчивости реки. Гераклит понимает и противоречивость субстанции, наличие небытия наряду с бытием: «В одну и ту же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем», бытие не тождественно самому себе [8].

Но эти же утверждения Гераклита могут быть приняты и как релятивизм, отвергающий и объективность субстанции, и возможность ее познания.

Так, элеаты Парменид, Зенон Элейский, Ксенофан, понимавшие противоречивость движения, которое есть и смещение, и покой одновременно, отвергали противоречивость субстанции, представляли внешний мир, данный в ощущениях, как ложный мир мнений. Поскольку в апориях Зенона быстроногий Ахиллес не может догнать черепаху, а стрела покоится, то движение есть лишь феномен ложного чувственного восприятия.

Софисты Протагор, Горгий, Продик (V в. до н. э.) формулируют релятивизм предельно логично: взявший займы вчера сегодня ничего не должен, так как он стал другим; приглашенный вчера на обед приходит сегодня непрошеным, так как он уже другое лицо.

Позднее, в IV в. до н. э. Эвюлид, Диодор Кронос, Филон, представители Мегарской школы, формулируют парадокс лжеца («в рамке нет истинных предложений», это предложение ложно, следовательно, истинно, следовательно, ложно и т.д.).

В IV-II вв. до н.э. представители школы скептицизма Карнеад, Энесидем, Тимон, Пиррон, задолго до неопозитивистов отрицали возможность достоверного знания, утверждая, что каждое логическое доказательство приводит к регрессу в бесконечность и становится невозможным. Энесидем отвергал и причинность, и ее отрицание. Возникает причина раньше следствия или одновременно? Причина не может быть раньше, так как до следствия она не причина. Причина и следствие не могут быть и одновременными, ибо тогда они были бы неразличимы. Действительно, в долгом ряду чередования причин и следствий причина занимает место следствия и наоборот, в феномене квантового запутывания вопрос о связи причины и следствия еще более сложен.

Из этого скептики приходили к выводу: ничто не может быть начато. Движения не существует.

Аналогично Кант – а за ним и неопозитивисты – отрицает возможность объективной истины на основе ограниченности, конечности человеческого опыта: «Опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции)... делает возможным заключения о мире лишь типа: «Насколько нам известно, исключений из того или иного правила не встречается... Эмпирическая всеобщность есть лишь произвольное повышение значимости суждения» [9]. Т.е. связь частного опыта с природой отвергается, ограниченность теорий возводится в абсолют.

С помощью априорных знаний, с помощью пространства и времени как субъективных форм созерцания, человек создает чувственную картину мира, не имеющую отношения к внешнему миру.

Психологической основой субъективного идеализма, как видим, является сужение экспериментального материала, слабая вовлеченность в общественно историческую практику. Юм не отрицал существование внешнего мира. Он просто не видел этому достаточных доказательств. По сути, и Гегель исходит из материалистических посылок – если вещи исчезают, а идеи сохраняются, идеи – первичны.

Согласно гилеморфизму Платона идеи (формы) воплощаются в пассивную, аморфную материю. Соответственно, первотолчок для начала Вселенной – «форма форм» - первый двигатель, приводит в движение мир материальный, в то же время сам материальным не являющихся, потому «неподвижный».

Аналогично партия, согласно Бернштейну, Сталину, КПРФ и все буржуазным партиям, привносит в темную, косную, инертную материю рабочего класса политическое сознание.

Спиноза, в виду гонений церкви, скрывая материализм за теологической формой, утверждал обратное, материя – *causa sui*, причина самой себя.

Вслед за Платоном Аристотель провозглашает первичной форму, указывая на один конкретный пример: в скульптуре важнее не глина, а форма. Взяв единичный, частный пример. Но свойства газа или жидкости не зависят от формы сосуда, политэкономические тенденции не зависят от географии, законы физики не зависят от системы отсчета.

Оборотной стороной субъективного идеализма является мифологическое сознание. Коль скоро мир – комплекс ощущений, то кентавры, духи, ведьмы, боги и пр. реальны точно так же, как и вещные субстанции. Так, в современной России для огромных масс населения стали реальностью инопланетяне, химтрейлы, вредоносные евреи, структурированная вода, сглаз и порча, путешествия во времени, тайное мировое правительство, торсионные поля и т.д.

Позитивизм

В первой трети XIX в. в философии Огюста Конта 1798-1857, позднее – Иеремии Бентама, Герберта Спенсера, Джорджа Генри Льюиса, Джона Милля возникает позитивизм, отрицающий философию: «каждая наука - сама себе философия». Право на существование имеют только те науки, утверждения которых могут быть выражены на языке опыта и доступны экспериментальному подтверждению.

Соответственно, основной вопрос философии объявлялся бессмыслицей. Полное знание о мире дает система частных наук, в основном, механика и математика. То есть, мир – не целое, а эклектический набор частных наук.

Позитивизм объявил себя надпартийной философией.

Махизм – вторая форма позитивизма, возникшая в 70-е гг. XIX в., столпы махизма - физик Эрнст Мах и философ Рихард Авенариус. В махизме вещь – «комплекс ощущений», внешний мир - совокупность «элементов опыта» (ощущений), вместо философии – психология.

Немногим позднее проявляется весьма разношерстная группа «эмпирических метафизиков»: И. Герберт, Р. Лотце, Ф. Тренделенбург, В. Вундт, Ф. Brentano, Т. Карлейль, Ш Ренувье, Р. Эмерсон. «Метафизики» пытались путем научного индуктивного метода, якобы на основе исключительно фактов, подняться над противоположностью идеализма и материализма.

«Когда Народ несчастен, то древний Пророк был прав и не ошибался. Говоря ему: Вы забыли Господа, вы покинули пути Господни, иначе бы вы не были несчастны», - писал Томас Карлейль [10].

Карлейль издевался над чартизмом, прогресс общества сводил к активности героев. Основа цивилизации – нравственный долг, не нужно ненавидеть аристократию, не стоит верить в народные массы, революция – зло, ибо крушит устои общества. В средневековье у Карлейля правили мудрые, добрые монархи, церковь несла людям мораль, общество было пронизано благородством и простотой, рядовые граждане были свободны и безбедны.

Собственно, в этом заключена вся мыслительная деятельность Карлейля.

В 20-е гг. XX в. возникает неопозитивизм, его проповедуют Венский, Варшавский, Берлинский кружки, Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап и пр. Внутри неопозитивизма возникают логический позитивизм, лингвистическая философия и аналитическая философия.

Неопозитивизм тоже отрицает основной вопрос философии и деление философии на материализм и идеализм.

На самом деле и позитивизм, и махизм, и неопозитивизм полностью остаются в рамках субъективного идеализма.

Единственной реальностью неопозитивисты полагали «атомарные факты», «капли опыта». «Атомарные факты» выражаются в «протокольных предложениях» («светит солнце», «идет дождь»). Данные предложения они объявляли истинными, что, разумеется, далеко от науки. Тем не менее, именно этими «протоколами» неопозитивисты собирались доказывать истинность той или иной теории, того или иного научного утверждения. Таким образом, исследование мира было подменено исследованием языка науки.

Кроме этого, неопозитивисты выдвинули два еще более сомнительные постулата: 1) утверждения имеют смысл, если они по правилам логики и языка выводимы из принятых конвенций; 2) имеют смысл те утверждения (предложения) науки, которые верифицированы, сведены к протокольным предложениям.

Сам принцип верификации оказался не верифицируемым. Не спас и дополнительные к верификации принципы подтверждаемости и когерентности. Затем постпозитивист Карл Поппер (1902-1994) отверг принцип верификации и провозгласил принцип фальсификации, еще более нелепый: теория верна, если можно придумать такой эксперимент, который показывает, что она неверна. Затем другой постпозитивист Карнап обрушился на принцип фальсификации и модифицировал его, но третий постпозитивист Т. Кун назвал и модифицированный принцип наивным.

Экзистенциализм

Экзистенциализм, отцами-основателями которого были Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер, Альбер Камю, Габриэль Марсель, Мартин Бубер и Жан Поль Сартр, будто бы явился новой философией, философией экзистенции, человеческого существования. Экзистенция иррациональна, подлинная экзистенция - это глубинный поток переживаний, очищенный от всякого рода внешних, жизненных влияний, до медитации и нирваны - полшага. От человека как существа общественного остается существо, лишенное общества. Более того, от существа отторгается его личное бытие.

Казалось бы, Камю, Сартр – атеисты, Сартра даже относят к левым (близким к маоистам), прочие – протестанты, католики, иудаисты, Хайдеггер – болтается между ними. Однако и Камю в действительности религиозен, хотя его эссе 1942 года «Миф о сизифе» французская публика приняла за нападки на церковь. «Все церкви против нас», - пишет он. Но почему? «Нашим сердцам недоступно вечное, и мы сторонимся церквей, претендующих на вечность... Счастье и мужество, заработок и справедливость второстепенны для церкви... Но что мне до идей и вечности...» [11].

То есть: не церковь плоха, но сам человек.

Камю пишет об абсурдности жизни, о болезни духа, но замечает: «... стремление к Абсолюту выражает сущность человеческой драмы» [там же, стр. 233].

Камю прямо следует позитивизму: «... о чем, по какому поводу я мог бы сказать «Я это знаю!» О моем сердце... Об этом мире – ведь я могу к нему прикоснуться и опять-таки полагать его существующим. На этом заканчивается вся моя наука, всё остальное – мыслительные конструкции... вы уже успели заменить одну теорию на другую... вы предлагаете выбор между описанием, которое достоверно, но ничему не учит, и гипотезой, которая претендует на всезнание и недостоверна [там же, стр. 234].

То есть, мыслительные конструкции Камю никак не связывает с внешним миром, понимание диалектики абсолютной и относительно истины недоступно Камю. Камю задолго до Фейерабенда провозглашает атаку на разум, на рациональное. Камю вполне солидарен с Шестовым, который в виду абсурда подчеркивает тщету разума и призывает «броситься в бога».

В 1951 году Камю пишет продолжение эссе, «Бунтующий человек». Бунт против неравенства и бунт против бога ведет к революции, она освобождает от бога, но заменяет его вождем. Вот основа, которая заставляет Камю считать бунт чем-то иррациональным, следуя Камю, бунтарь в конце концов ополчается на саму революцию. Даже Сартр за эту книгу поименовал Камю буржуазным гуманистом и записным моралистом.

Экзистенциализм возник в то же время, что и неопозитивизм. Предтечей экзистенциализма был Сёрен Кьеркегор (1813-1858), восставший против рационализма Гегеля, он же автор термина. Ясперс к истокам относит еще Шеллинга, критиковавшего рационализм и утверждавшего сверхчувственное созерцание, а также Ницше, Камю - Гуссерля. Многие философы упрекали Гегеля в фатализме, в полной предопределенности поведения человека и его мыслей и чувств. Отметим, что доля этого фатализма переключалась и в марксизм. Кьеркегор же провозгласил явную нелепость – полную свободу личности. Мир как таковой Кьеркегор познавать не желает, он стремится к той истине, которая есть истина для него одного. Не нужна Вселенная, он сам себе Вселенная. Высшее предназначение человека у Кьеркегора – быть единичной личностью. По сути то же самое видим и у экзистенциалистов, которые с возвратом в мейнстрим трудов Кьеркегора заговорили о «коперниканском перевороте в философии».

В том же русле мыслит и Мартин Хайдеггер, в книге «Бытие и время» он утверждает историчность человеческого бытия вне истории общества, якобы первое не зависит от второго, что явно противоречит действительности. Для Хайдеггера человек историчен сам по себе.

Таким образом, атаку на гегельянство Кьеркегор предпринял с позиций всё того же субъективного идеализма, хотя его идеализм отличен от идеализма Беркли и Фихте, поскольку не допускает и тени онтологии. История его собственной души, как у Онетти – вот интерес Кьеркегора.

В виду различий Кьеркегора относят к иррационалистам, таким, как Гаман, Гартман, Шопенгауэр, Якоби.

Скромностью Кьеркегор не страдал, уже на заре своей философской деятельности он утверждал, что является самым одаренным среди молодежи, спустя некоторое время заявлял, что как писатель оказывает честь Дании, еще через некоторое время утверждал, что одной только его книжки «Страх и трепет» достаточно, чтобы сделать его имя бессмертным. Однако, поскольку его не желают чувствовать при жизни, он, сетуя, что не понят обществом, намекает, что принадлежит истории.

Мы хорошо знакомы с этой паранойей, на роль светильников разума интернет выдвигает то плагиатора Бугалина, то Ю. Муравьева с его – не смейтесь - трансмарксизмом, то религиозного обскуранта Катасонова, то рядящегося в марксиста Кагарлицкого, то «экономиста» Хазина, словом, всех бездарей, никого не пропустит. Так, в статье Муравьева «Истина и метод» кроме банальностей в отношении предмета философии построения постпозитивистов объявляются «методом», «крупницами», редукционизм понимается урезано, однако апологеты Муравьева уверяют, что вся философия XXI века пройдет под знаком философии Муравьева.

Основной вопрос философии не вызывает у Кьеркегора никаких мыслительных затруднений: тело есть орган души духа. И нечего рассусоливать. Психика, воля человека – абсолютно не зависит от физических, химических, биологических и социальных законов. Эстетика Кьеркегора – примитивный гедонизм, суженный до свободного полета в просторах секса, чем он и сам по молодости был занят. В книге «Страх и трепет» Кьеркегор не придумал ничего лучшего, как провозгласить Авраама героем, причем героизм Авраама – выше всякого другого героизма. То, что нравственность времен, когда сочинялись священные писания, сильно отличается от нравственности XIX века, то, что библейская нравственность – это садизм, вне понимания Кьеркегора. Зарезать и сжечь во имя идеи собственного сына – великий подвиг. «Почтенный отец Авраам!.. ныне всякий язык восхваляет тебя...» [12]. Далее следуют рассуждения, что Адам был первым человеком, и по другому и быть не может, что Адам совершил ужасный грех, и все последующие люди грешили точно так же, то есть, продолжение рода есть преступление. Вся книга – сплошь нелепая теология, ни грана философии.

Однако судьба философии Кьеркегора, вполне заурядной, подобна судьбе учения Фрейда. Никакого учения нет, есть выдумки Фрейда, как выдумки Юнга, Фрейд за всю жизнь имел дело всего с тремя десятками пациентов и оставил анамнез лишь шести, при этом умудрился никого не вылечить своим методом. Но имя, имя гремит.

Энгельс точно уловил проблему субъективизма Шеллинга, его тезис, что разум не может постичь ничего действительного, относится не столько к вещному миру, который не способен изучать Шеллинг, а к богу, к тайне христианства [13].

Место философии занимают теология, мифология, мистика. Но перемещение проблем познания в религию не решает проблем познания.

Но даже Шеллинга Кьеркегор критикует за неизжитую тягу к системности, он считает Шеллинга недостаточно свихнутым, Шеллинг пытается с помощью логики орудовать в религии и мистике.

Суть воззрений Кьеркегора ясна – революции 1830 и 1848 годов вызывают у него омерзение. Все свои помыслы он устремляет к богу. «Такой степени нравственного убожества, - характеризовал Энгельс Данию в целом, - ...больше нигде не существует» [14]

В 1948 году в Дании был создан центр международного Кьеркегорианского общества. Сказать, что ренессанс философии Кьеркегора обусловлен кризисом капитализма – значит ничего не сказать, хотя именно кризис капитализма вверх в кьеркегорианство такого писателя, как Дональд Делилло.

Все основатели экзистенциализма ссылаются на Кьеркегора, который выделил основное, как ему казалось, для человека – ощущение смерти. То есть, самое важное – не жизнь, а смерть, которая и определяет существование. Как издевался над этим Козьма Прутков: «Первый шаг ребенка есть первый шаг к его смерти». Смерть – единственная предопределенность. Поэтому человек – перед лицом смерти – абсолютно свободен. Что при рабовладении, что при капитализме. Исключительно по доброте своей экзистенция, понимая, что живет в обществе, ангажируется, принимает на себя некую ответственность.

Эта ответственность понимается своеобразно: как способность мыслить и осознавать своё бытие. Главная ответственность – за самого себя, если, конечно, человек хочет стать самим собой.

Но экзистенциалисты, в том числе атеисты, не считают смерть смертью, она для них – бытие. Страх – прекрасное чувство, полагают экзистенциалисты. «Страх есть головокружение свободы, - утверждал Кьеркегор, - ... ещё никогда не существовало гения без чувства страха, разве что он был одновременно и религиозен» [15].

Причем страх для Кьеркегора вытекает из первородного греха, то есть, из примитивного мифа. Главный страх – страх грешника перед богом, это не животный инстинкт, а признак совершенства.

«Никто не повинен в том, если он родился рабом, - пишет Ленин в статье «О национальной гордости великороссов», - но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам».

Подлинная экзистенция (сущность) проявляется, что несомненно, в критических ситуациях. Но экзистенциалисты не желают видеть эти критические ситуации вокруг себя, они создают их искусственно: главная проблема, которую выделяет экзистенциализм – это проблема самоубийства. В момент перед смертью происходит экзистенциальное озарение, мир становится человеку «интимно близким».

Экзистенциалисты апеллируют к понятию отчуждения Маркса, но подменяют конкретное отчуждение от средств производства и продукта труда, ведущее к отчуждению личности от самой себя, отчуждением от абстрактного общества.

В России по этому пути шли Бердяев (1874-1948), Шестов (1866-1938).

Рационалисты противопоставляют субъект и объект, соответственно, весь мир разделяют на объективное и субъективное, на самом деле, утверждают экзистенциалисты, субъект и объект едины. Казалось бы – полная противоположность субъективному идеализму, но экзистенциализм с ним тождественен, лишь форма другая. Если субъект и объект едины, то и основной вопрос философии лишается смысла, а мир – и есть комплекс ощущений.

Искусство следует моде.

Антониони снял замечательный фильм «Тайна Обервальда», но это, скорее, исключение.

В фильмах Антониони все аккуратно, если кафе - то вылизано, вылизаны гамма красок, линии. Постоянно полумрак, как на полотнах Коро, лица различаются с трудом. Душа режиссера – за облаками, в полусне. Всё, что происходит в жизни, его не интересует, ни забастовки, ни войны, ни наука, ничего. Интересуют его собственные настроения, которые он именуется образами.

Мусор, рвань, как в американских фильмах – ни-ни, но бросить плащ на пол – норма.

Секс как культура. Антониони любит женским телом, поэтизирует его, душа женщины – не интересует, душа рассказывает, что она любит мастурбировать, еще лучше, если это ей делает мужчина, а еще лучше – женщина, так нежнее, вообще лучше, мужчина только о себе думает, а женщина хочет доставить тебе наслаждение.

Музыка – всегда легкая, не вызывающая сильных эмоций, музыка–фон, музыка ни о чем.

Сюжет – нет никакого сюжета. Кадры произвольно сменяют кадры, какая-то связь между ассоциациями присутствует, но нет ни логики, ни завязки, ни развязки, ни кульминации, ничего. Одна история сменяет другую, без связи и смысла.

Квартиры – не жилые, это павильоны для съемок.

Герои состоятельны, даже богаты, куда смотрел Гуэрра?

«За облаками», в анонсе пишут, что рассказаны четыре философские истории, речь о загадочной женской душе. Но ничего загадочного, ничего философского.

Отзывы о фильме одни и те же: «О, Софи! О, Марчелло! О! Ну, не буду рассказывать. Сами посмотрите».

У Феллини один фильм посвящен режиссеру, у Антониони – целых два.

- У меня будет ребенок.

- Я убила своего отца.

- Мне нравится мерзнуть.

Эстетика, поэза, богема.

Катехизис режиссера высказан в фильме «За облаками»: нужно отрешиться от внешнего мира, от всего, сосредоточиться на собственном «я», чтобы слышать «звуки извне». Откуда? Из потустороннего мира, ждать, как выразился учившийся читать кот Мурр из сказки Гофмана, когда придет озарение. Собственно, это всё. Антониони охвачен духом философии Кьеркегора.

Практика – выше теории, задача философов – не объяснять мир, а изменить его практически. Кабинетные ученые с их мудрствованиями ничего менять не собираются. Они устроены, сыты, довольны, приняты в буржуазной элите. Западная и российская философия XX – XXI вв. за редчайшим исключением заслуживает только одного эпитета – убогая. Ренессанс субъективного идеализма в различных формах обусловлен не столь кризисом капитализма, сколько бессилием перед его диктатурой, кризисом левого движения в мире, которое было расколото политикой сталинской клики. Сталинизм выхолостил марксизм, часть левого движения ангажировал капитал, в целом оно оказалось способно к жонглированию терминами, к аристократическому словоблудию, но не к философскому дискурсу, не к развитию марксизма.

Август 2021.

Литература

1. Идеалистическая диалектика в XX столетии. М.: Политиздат, 1987
2. Новые тенденции в западной философии. М.: Ин-т философии АН СССР, 1988
3. Кант И. Прелегомены. М.: 1937. С. 41, 52.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: 1956. С. 596.
5. Дайсон Ф. Энергия Вселенной. Знание-сила. 1972. № 6. С. 27
6. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии. Космология и наблюдения. М.: 1978. С. 373.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20.С.369.
8. Материалисты Древней Греции. М.: 1955. С. 49.
9. Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6 т. М.:1964.Т.3. С.107.
10. Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 207.
11. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 284-285.
12. Кьеркегор. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С.28.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: 1956. С. 449.
14. Энгельс Ф. Датско-прусское перемирие. Соч., изд. 2. Т. 27. С. 70.
15. Guignon, Charles B. Existentialism: basic writings, Derk Pereboom. Hackett Publishing, 2001. P. xiii.